

отсутствие служебных прав и социальных гарантий, тяжелые условия труда обуславливали постоянный отток из церковной школы учителей-мужчин, принимавших священный сан или переходивших на работу в государственные школы. Педагогам-женщинам, лишенным широкого профессионального выбора в силу социально-экономических условий жизни в дореволюционной России, уйти из церковноприходской школы было значительно сложнее. К тому же церковноприходские школы предназначались для детей в возрасте 7–11 лет, а в обществе принято, что с младшими детьми больше общаются женщины, а не мужчины: мужчины-учителя, а особенно в начальной школе, — явление гендерно нетипичное. Ко всему прочему, рост начальных школ был слишком интенсивен, и школы настолько нуждались в учителях, что их гендерная принадлежность значения не имела.

Э.А. НИКОЛАЕВ

ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Апологетика — это направление богословской мысли, сосредоточенное на полемике с противниками и критиками христианства, на формулировке аргументов и оснований в пользу веры и Церкви. Она — неотъемлемый элемент евангелизации. Нужно добавить, что именно в апостольских писаниях и трудах апологетов был создан фундамент для развития апологетики. Бл. Августин в «Граде Божиим» полемизировал с язычниками, обвинявшими его в том, что он способствует падению Римской империи. Св. Фома Аквинский в «Сумме против язычников» поставил себе задачу «сделать ведомым, насколько позволяют мои ограниченные силы, истину, которую исповедует католическая вера и разъяснить недоумения в связи с ошибками, которые ей приписываются».

Труды гуманистов, английских деистов и французских энциклопедистов инициировали активную христианскую полемику. Так, Шлейермахер в «Кратком представлении богословия» проводил различия между апологетикой, которая противостоит вражде к христианским общинам, и полемикой, которая преодолевает уклонения от сущности христианства внутри него самого. Сильные аргументы против апологетики высказал К. Барт полагавший, что опора единственно на Евангельское Откровение не допускает защиты христианства аргументами естественного разума. Эта позиция была оспорена как протестантскими богословами, так и католическими, для которых человеческий разум не является полностью поврежденным грехом и для которых природный мир и человеческая природа сами обеспечивают рациональную защиту трансцендентнос-

ти. Для этих богословов христианство имеет рационально осмысленный жизненный путь и апологетическое понимание (*Православие: Pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001. С. 596*).

В своем историческом развитии христианская апологетика приобрела несколько основных своих форм, вытекающих из конкретных задач, которые стояли перед ней. В апологетике можно выделить три ее разновидности: богословская, историко-философская и естественно-научная.

В России всегда большое значение для апологетики имели труды религиозных мыслителей. И русская религиозно-философская мысль сделала многое для многих ищущих истины в их обращении к Богу и к Христу.

Апологетическая мысль на Руси появляется с принятия христианства. Однако, фактически, до XIX в. она не имела той специфики, которая присуща современной апологетике, и охватывала все вопросы, связанные с защитой православия и борьбой с иноверием, ересями, лжеучениями и суевериями, расколом, инославием, сектами, «вольнодумством», атеизмом и т.д. В первые века перед Русской Церковью стояли две задачи: положительное раскрытие существа христианства и борьба с языческим наследием в душах людей. Их решение осуществлялось в многообразных формах: в устных проповедях и обличениях, поучениях и посланиях, в специальных сочинениях и т.д.

Русская апологетическая литература большей частью переводная и компилятивная. К их числу можно отнести «Апологетику» Рождественского и все сочинения В.Д. Кудрявцева, «Науку о человеке» В. Несмелова, «Курс апологетического богословия» прот. Светлова.

Во второй половине XIX в. в России началось развитие самобытной религиозно-философской мысли. Это, — славянофильство, находившееся в тесной связи с богословскими традициями Московской духовной академии. А.С. Хомяков одним из первых русских философов призвал философскую мысль «вернуться на забытый путь опытного богопознания», хранящегося в Церкви (*Осипов А.И. Путь разума в поисках истины М.: Сретенский монастырь, 2004*). Прот. Ф.А. Голубинский в своих лекциях по «Умозрительному богословию» разбирал доказательства бытия Божия, анализировались воззрения деистов, пантеистов, материалистов. Преемником прот. Ф.А. Голубинского был проф. В.Д. Кудрявцев-Платонов, научная деятельность которого была посвящена апологетической проблематике. Его магистерская диссертация «О единстве рода человеческого», докторская — «Религия, ее сущность и происхождение»; исследования и статьи по философии, особенно гносеологии, по обоснованию бытия Бога, бессмертия души, по космологии и рациональной психологии, по естественному богословию, собранные в трех томах его сочинений, — говорят о размахе его творческой деятельности.

Дальнейшее развитие русская апологетика получила в трудах проф. А.И. Введенского. В магистерской диссертации «Вера в Бога, ее происхождение и основания» им был сделан анализ различных философских воззрений по вопросу происхождения религии. В докторской диссертации «Религиозное сознание язычества: Опыт философской истории естественных религий» он дает принципиальную оценку язычества в целом. Другие сочинения Введенского свидетельствуют о масштабности и разносторонности его апологетического творчества.

Значительный вклад в развитие русской, преимущественно философской, апологетической мысли был сделан свящ. Павлом Флоренским. Его богословско-философское и апологетическое наследие велико и разносторонне, а некоторые его идеи до сих пор вызывают споры и неоднозначную оценку среди православных исследователей.

Появление Апологетики как самостоятельной дисциплины в русской богословской школе традиционно связывается с именем проф. Санкт-Петербургской духовной академии (открыта в 1809 г.) прот. Н.П. Рождественского, который одним из первых составил самостоятельный и полноценный курс христианской апологетики. Он считал Апологетику «фундаментом для всего здания богословской науки со всеми ее частными подразделениями» (*Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. С. 12*).

Метод в изложении ее системы, предложенный Рождественским, остается до настоящего времени главенствующим. Он состоит в разделении всей апологетической проблематики на две основные части: вопросы, имеющие общерелигиозное значение и вопросы специфически христианские.

Особую апологетическую ценность всегда имело раскрытие и обоснование православной веры. Здесь существует два подхода: богословско-рациональный и богословско-аскетический. Первый представлен трудами богословов-профессионалов; второй преимущественно принадлежал пастырям-подвижникам. Их во все времена не мало было на Руси. В Синодальный период среди них следует назвать свт. Тихона Воронежского, преп. Паисия Величковского, преп. Серафима Саровского и других преподобных отцов. Свт. Игнатий (Брянчанинов) своими «Аскетическими опытами» дал ясное понимание православных основ духовной жизни и существа заблуждений западного мистицизма и рационализма. В его работах дается краткая христианская оценка науки и философии.

XX в. ознаменовался крупными потрясениями. Русская апологетика как научная дисциплина Духовных школ вскоре после 1917 г. прекратила свое существование вместе со всей системой богословского образования. Однако и в условиях гонений пастыри Церкви и образованные миряне продолжали поддерживать веру друг друга и противостоять агрессивному безбожью. В сибирской ссылке в 1928 г. прот. Валентин Свенцицкий пишет свои апологетические «Диалоги» о бытии Бога, о

бессмертия, о Церкви, о прогрессе и духовной жизни. В 1930-х гг. в Твери, пребывая в крайне бедственном положении, профессор Н.Н. Фиолетов создает «Очерки христианской апологетики», в которых основное внимание уделяет естественнонаучной апологетике, вопросам соотношения религии и науки.

Постепенное возрождение апологетики как богословской науки началось в бывшем СССР вместе с возобновлением деятельности Духовных семинарий и академий. В МДА в первые годы курс основного богословия читали доц. прот. Н.С. Никольский, проф. прот. С.В. Савинский, проф. М.А. Старокадомский, доц. В.И. Талызин, проф. А.В. Ушков. Проф. Старокадомским были защищены магистерская и докторская диссертации по философской апологетике: «Вера и разум как пути богопознания по творениям церковных писателей первых трех веков христианства» и «Опыты умозрительного обоснования теизма в трудах профессоров МДА».

Завершая обзор православной апологетики приведем слова архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), который в своей работе «Сектантство в Православии и Православие в сектантстве» заявил: «В православной апологетике надо, прежде всего, делать ясное и твердое ударение на разъяснении смысла вероучения и на показании этого вероучения в жизни. Надо ясно понять, что православие есть страшный огонь, как святые тайны. Принимающих полноту православия этот огонь либо преобразит, либо сожжет. Православие создало дух русского народа, но оно же и ввергло русский народ в огонь. Православные опалены православием. Они сделались недостойными причастниками святости полноты веры. Эта святость не только живит, но и опалает» (*Шаховской Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Сектантство в Православии и Православие в сектантстве // Эл. публикация <http://apologia.sobor-spb.ru/sekto/text/raznoe/prav.htm>*).

Прошедший век для европейской цивилизации ознаменовался одновременно падением авторитета религии и ростом авторитета науки. Это привело к тому, что основной фронт апологетики христианства сместился с отстаивания правильности вероисповедания той или иной христианской конфессии и с идеологических диспутов между христианством и исламом, между христианством и иудаизмом, христианством и язычеством на то, что можно назвать спором между верой и наукой. Уже не столько антихристианские, сколько антирелигиозные силы попытались использовать такое положение вещей для еще большей дискредитации Церкви и христианского учения, противопоставляя те или иные научные теории и гипотезы догматам Богооткровенной Истины.

В этих условиях для многих христианских апологетов казалось необходимым и идти по пути доказательства того, что данные научные гипотезы не противоречат христианскому учению. Однако все это на деле выливалось в доказательство того, что, напротив, христианское учение не противоречит им.

В качестве примера можно вспомнить апологетическую статью Н. Бердяева, написанную в 1920-х гг., в которой он утверждал, что отсутствие доказательств об историческом существовании Христа на самом деле «и есть величайшее свидетельство в пользу христианства, свидетельство его чудесности» (*Бердяев Н.А. Наука о религии и христианская апологетика // Путь. 1927. № 6. С. 50*). Еще больше примеров такого рода апологии мы увидим, если обратим внимание на многочисленные попытки согласования православного учения и эволюционизма, предпринимавшиеся десятками авторов, старавшихся доказать, что выдвинутая Ч. Дарвиным в середине XIX в. теория видообразования не только не противоречит учению Церкви о творении, но напротив, составляет его самую сердцевину и имеет твердые основания как в Писании, так и в Предании.

При кажущейся бесприкрытости позиции, апологетика такого рода имеет ряд очень серьезных недостатков (*Максимов Ю. Принципы использования научного материала в христианской апологетике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/apologetika/nauchmethod.htm>*). Первый состоит в том, что такой подход совершенно бесплоден как с богословской, так и с научной точки зрения. Всецело замыкающийся на существующих сию минуту моделях, он делает бессмысленным любую дальнейшую исследовательскую деятельность. Вместо того чтобы искать реально существующие исторические свидетельства о Христе, подход предлагает нам ограничиться осмыслением отсутствия оных; вместо того, чтобы объективно и критически рассмотреть предлагаемые секулярной наукой теории, непосредственно затрагивающие область Божественного творения, чтобы, в случае необходимости пересмотреть их или выдвинуть новые, подход предполагает подстроиться под уже существующие.

Вторая проблема связана с тем, что наука неизбежно модернизирует и меняет свои взгляды. Научное знание не стоит на месте. Одна теория сменяет другую. И каждый раз некоторые апологеты умели перетолковать текст Писания, чтобы оно соответствовало той или иной картине. Разные авторы с одинаковой самоуверенностью пытались и до сих пор пытаются одновременно согласовать с христианством такие разные и частично противоречащие друг другу разновидности теории эволюции как дарвинизм. Занятие это весьма сложное, поскольку такие «богословские кульбиты» могут лишь посеять недоверие вообще ко всему тексту Библии и церковному учению.

Наконец, третья проблема связана с тем, что в абсолютном большинстве случаев такой подход предполагает по умолчанию лишиться какого-либо самостоятельного значения, или, попросту говоря, выбросить из Библейского и Святоотеческого наследия значительную часть того, что нельзя притянуть за уши к данной теории, например, теории эволюции. Здесь кроется наибольшая опасность. Апологетика, наносящая больший урон, чем сама критика, явно не может быть признана успешной.